

Т. Н. ЯКУНЦЕВА
Уральский университет

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА

Уральская действительность конца XIX века представляет весьма своеобразную картину на фоне общественно-экономической жизни России этого времени. В. И. Ленин рассматривал Урал этого периода как регион, в котором господствуют «освященные веками» порядки, неоднократно указывал на его «особый быт», «самобытную историю»¹. Однако и на Урале конца XIX века наряду с особенностями развития края во всех областях народной жизни наблюдаются перемены, связанные с установлением капиталистических порядков. В области духовной культуры, в частности в фольклорной поэзии Урала конца XIX века, можно проследить закономерные глубинные изменения песенных канонов, происходящие в России повсеместно.

В данной статье на материале народных семейно-бытовых песен, записанных в Чердынском крае в конце XIX века², мы попытаемся рассмотреть основные процессы в песнетворчестве этого периода.

История Чердыни и Чердынского края уходит в ранние века. Город возник в районе, издавна заселенном предками коми-пермяков. В пределах города найдены медные идолы и керамика ломоватовской культуры VII—IX веков (Вятское городище), украшения и оружие родановской культуры XIII—XIV веков (Троицкое городище). На территории Чердынского края находились древние поселения коми-пермяков. Русский город возник на месте одного из таких поселений и унаследовал его название (чердын на языке коми — устье притока). Первое упоминание о Чердыни встречается в Вычегодско-Вымской летописи в 1451 году: сообщается, что великий московский князь Василий II направил в земли коми-пермяков своим представителем верейского удельного князя Михаила Ермолича. Приблизительно в это же время, в 1455 году, русский епископ Питирим предпринял первую попытку

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 485, 490.

² См.: Попов В. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии. М., 1880. (Далее в тексте — Попов).

христианизации чердынцев, завершленную в 1462 году епископом Ионой. Если до этого времени русское население края было невелико, то после похода 1472 года Чердынь, как и другие пермские поселения, активно заселяется русскими. Чердынь становится военным, религиозным и административным центром Пермь Великой, начинает играть важную роль в основном водном пути в Сибирь.

В XVI веке Чердынь являлась основным административным центром Пермь Великой, и чердынскому наместнику (позднее — воеводе) подчинялись Соликамский и Кайгородский уезды, Зюдинский край, земли печорских и вишерских вогул, плативших ясак. В XVII веке значение Чердыни падает, так как весьма быстро стал развиваться другой северный город — Соликамск, стоявший на повом, более коротком пути в Сибирь. Приблизительно с этого времени возрастает роль Чердыни как религиозного центра: в ней было два монастыря и четырнадцать церквей. К концу XVII века Чердынь начинает играть весьма значительную роль на Камско-Печорском пути, в связи с чем увеличивается население города. В это время Чердынь по численности населения занимает третье место на Урале (после Соликамска и Кунгура). Русское население города составляли выходцы из северного Поморья и частично центра Руси, в нем проживали также коми-пермяки, коми, зыряне, марийцы, манси, татары и карелы. С этого времени Чердынь превращается в крупнейший центр ремесла и торговли Урала. Так, еще в 1579 году в ней работали сорок девять ремесленников двадцати пяти профессий (преобладали кузнецы и плотники).

Чердынский край своей богатой историей и замечательной природой привлекал многих исследователей, ученых, писателей. В 1770 году в Чердыни и ее окрестностях (Нырбе, Дивьей пещере) побывал путешественник Н. П. Рычков. В 1818—1820 годах трижды приезжал советник Пермской казенной палаты В. Н. Берх. Ему удалось собрать многочисленные исторические акты, писцовые книги и опубликовать один из первых научных трудов о Чердыни. В. Н. Берх особо отметил важную роль Чердыни XIX века как торгового центра Урала: «...город Чердынь в теперешнем своем положении должно почесть между лучшими в Пермской губернии. Здешнее купечество производит значительную торговлю с Архангельской губернией. Ежегодно отправляется из Чердыни несколько судов за покупкою хлеба в Сарапул или Чистое поле, часть которого отвозится в Пустозерск и меняется на тамошние произведения...»³. В 1847 году в Чердынский уезд была организована специальная экспедиция Русского географического общества во гла-

³ Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Спб., 1821, с. 75.

ве с Э. Гофманом для изучения природных богатств бассейна Вишеры и Колвы.

В конце века, в 1887 году, побывал в Чердыни и уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Знакомясь с богатой историей края, наблюдая за его природой, людьми, Д.-Н. Мамин-Сибиряк написал очерк «Старая Пермь», рассказ «Зимовье на Студеной» и другие произведения. Писатель был восхищен самобытностью края, его богатой фольклорной традицией: «...здесь еще жива та глубокая старина и хранит свой эпический склад. Достаточно указать на один цикл свадебных песен, сохранившихся в Чердыни. Даже в чтении они производят сильное впечатление своей глубиной, выстраданной поэзией и сердечной женской правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями и образами, сложены таким прекрасным старинным языком, что остается только удивляться создавшей их духовной мощи. В них, как живая, встает неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины... Для этнографов, археологов и бытописателей Чердынский край является непочатым углом»⁴. Отметив самобытность, патриархальность края, Д. Н. Мамин-Сибиряк остановился на характеристике Чердыни XIX века как крупного торгового центра, в котором воцаряются капиталистические порядки: «...тон жизни здесь задают знаменитые «благодетели», как называют купцов, ведущих торговлю с печорским краем. Эти богачи пользуются громкой популярностью на всем севере как идеал купечества: не привезут хлеба печорцы — и сиди голодом... Из Чердыни на Печору везут хлеб и соль, а оттуда везут рыбу. Дело старинное, кондовое, установленное еще по новгородским торговым правилам, и необъятный край находится в кабале у десятка чердынских толстосумов. Эксплуатация идет жестокая и приняла уже, так сказать, нормальный характер...»⁵. Обращает на себя внимание замечание писателя о тяжелом положении трудового населения Чердыни: «...бедность чердынского населения на Урале вошла в пословицу...»⁶.

Таким образом, Чердынский край является весьма показательным регионом Урала, негорнозаводским регионом, на примере которого можно наблюдать, с одной стороны, патриархальную старину, традиционность во всех сферах жизни и, с другой — формирование и развитие капиталистических отношений.

Для Чердыни конца XIX века характерны «докапиталистическая старина», «прочность сословных традиций», явления, о которых писал В. И. Ленин, рассматривая уральскую действительность этого периода. Данные явления весьма непосредственно по-

⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь. — Вестник Европы, 1889, № 7, с. 87—88.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь. — Вестник Европы, 1889, № 7 с. 90.

⁶ Там же, с. 88.

влияти на развитие устной поэзии Чердыни этого периода, в частности на специфику сохранения традиционного в ней. В то же время определенные социально-экономические особенности края конца XIX века, характерные для капиталистической формации, так же как и в других регионах России, повлияли на изменения в духовной жизни. Так, процессы роста внегородского индустриального населения и отходничества способствовали этим переменам: развитию людей, обновлению впечатлений, приобретению жизненного опыта и т. д. В итоге все это вело к активности протекания фольклорных процессов, обновлению традиций в песенной культуре Чердынского края.

Изменения в общественных условиях России конца XIX века накладывали свой отпечаток и на сферу семейно-бытовых отношений. В. И. Ленин, анализируя особенности капиталистического развития России и рассматривая процесс отвлечения населения от земледелия, писал, что «отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»⁷. В своем выводе В. И. Ленин опирался на многочисленные материалы современной статистики и юриспруденции, приводя в доказательство различные точки зрения. Так, в «Юридическом Вестнике» (1890, № 9, с. 142) В. И. Ленин находит такое высказывание: «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побой и истязания жен здесь редкие исключения...»⁸. Или из другого источника: «Сравнительно с оседлыми местностями, солигалическая и чухломская семья... гораздо менее крепка не только в смысле патриархальной власти старшего, но даже и в отношениях между родителями и детьми, мужем и женой. От сыновей, отправляемых в Питер с 12 лет, конечно, нельзя ожидать сильной любви к родителям и привязанности к родительскому крову...»⁹.

Эти процессы отхода от патриархальных устоев жизни в пореформенной семье и изменение положения женщины в ней отражены и в новой народной песне.

В ходе дискуссии 80—90-х годов XIX века о «старой» и «новой» песне¹⁰ был поставлен вопрос о положении русской женщины по народным бытовым песням. Исследователи отмечали, что в народных песнях представлена «картина русской семейной крестьянской жизни, полная слез и неподдельного чувства»¹¹. Подчеркива-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 506.

⁸ Там же, с. 507.

⁹ Там же, с. 506—507.

¹⁰ Основные моменты дискуссии изложены в ст.: Якунцева Т. Н. Спор о «старой» и «новой» песне (из истории фольклористики конца XIX века). — В сб.: Фольклор Урала. Свердловск, 1980, вып. 5, с. 123—130.

¹¹ Агренева-Славянская О. О народной поэзии и песне. СПб., 1882, с. 30.

лось, что такая картина в крестьянской семье — «настоящий порядок вещей, существующий и передающийся из рода в род: муж в отношении к положению жены перед свекром и свекровью ее играет пассивную роль, да и он сам вечный несовершеннолетний, пока живет с родителями и права голоса перед ними не должен иметь»¹².

Для традиционных семейно-бытовых песен характерен образ «русской женщины-страдальицы», которую в семье мужа «заставляли быть вечною работницей на родню... чужого чужбина и «лихоедая»!...»¹³. «...Часто свекровь натравляла своего сына на невестку...вообще не считалось несколько предосудительным... взять чужого человека от родных и мучить его...»¹⁴. Были и такие выступления в печати, в которых говорилось, что материалы народных песен свидетельствуют и не о таком уж безотрадном положении женщины, что «бытовые песни ...дают много материала для построения картины более отрадной и светлой...»¹⁵. Однако подобные суждения единичны. В целом исследователи приходили к выводу, что «никакая летопись, никакая история или свидетельства современников не дадут нам столь правдивого и полного изображения той среды и тех условий, в которых жила русская женщина почти до последнего времени»¹⁶.

В самом конце XIX века, в 90-е годы, в работах о новой народной песне еще констатировалось, что «...женщина по-прежнему остается у народа такой же рабой, какой она была прежде...»¹⁷, но все же отмечалось, что есть песни, в которых героиня стремится «получить первенство в своей новой семье...»¹⁸.

В 1890-е годы эта тенденция новых песен — стремление женщины «получить первенство в своей новой семье» — проявляется в народной поэзии еще больше. Поэтому не случайно, что в исследованиях по песнетворчеству включается момент сопоставления тематики «старинных» и новых семейно-бытовых песен: «...тон наших старинных (особенно семейных) песен, проникнутых столь глубокою, безотрадною грустью, в значительной степени объясняется именно влиянием этого сурового деспотизма... Боязнь неизвестного, всегда мрачного будущего с постылым мужем, грозным свекром, сердитою свекровью и злорадными невестками — вот мотивы старинной песни. В теперешних... мы видим добрый взгляд

¹² Там же.

¹³ Будде Е. Положение русской женщины по бытовым песням народа. — Филологические записки. Воронеж, 1883, вып. 4, с. 20.

¹⁴ Там же, с. 23.

¹⁵ Брайловский С. К. К вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа. — Филологические записки. Воронеж, 1886, вып. 1, с. 2.

¹⁶ Будде Е. Положение русской женщины по бытовым песням народа, с. 1.

¹⁷ Смирнов Н. А. Русские народные песни новейшего времени. Спб., 1813, с. 20.

¹⁸ Там же, с. 26.

вперед...»¹⁹. Таким образом, уже в фольклористической литературе конца XIX — начала XX века была подмечена определенная эволюция народной семейно-бытовой песни: от изображения рабского положения женщины в патриархальной семье до проявления ею самостоятельности в поступках, элементов протеста против домогательского отношения к ней. Однако в таком разрезе конкретный песенный материал в исследовательской литературе не рассматривался. Предоставлялось возможным проследить этот вопрос на материале традиций семейно-бытовых песен конца XIX века.

Быт уральской горнозаводской семьи, с одной стороны, не многим отличается от семейного быта иных регионов, с другой стороны, особые условия заводской жизни, проявившиеся еще в дореформенный период, наложили на него свой отпечаток.

Если для семейно-бытового уклада населения Урала конца XVIII — начала XIX века была характерна замкнутость, исключительность, свойственные старобрядческому населению Урала, то под влиянием новых, капиталистических отношений формируются иные черты быта. Разрушению патриархальных кержацких устоев уральской семьи во многом способствовали браки представителей разных по своей региональной и национальной принадлежности людей. «На Урале столкнулись традиции консервативной патриархальной семьи с более свободным строем семейных отношений у переселенцев-украинцев. Д. Н. Мамин-Сибиряк, характеризуя быт родного ему Висимо-Шайтанска, дает яркие бытовые зарисовки взаимной вражды, существовавшей между кержацко-туляцкими и «хохлацкими» концами. Первые упреки «хохлов» в отсутствии твердых семейных основ, в их разлагающем влиянии на местную молодежь»²⁰. Смешанные браки, конечно, содействовали установлению новых, свободных отношений. Но имело место и другое влияние. В 1890-е годы, особенно после первой русской революции, во многом изменившей общественные нравы, старый уклад жизни начал заметно разрушаться. В семьях заводских рабочих, многие из которых приняли участие в революционных событиях, кержацкие порядки забывались.

Следует учитывать также, что женщина на горнозаводском Урале занимала особое положение в семье. Она была физически крепкой, выносливой (условия освоения Урала способствовали этому), работала в заводе, на приисках. Не случайно в характерной для уральских преданий теме богатырей-силачей имеются сюжеты о женщинах-силачках²¹. Порядок в патриархальной кержацкой семье зиждился на непререкаемом авторитете старшего, и

¹⁹ Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии. М., 1901, с. 10.

²⁰ Крулянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 60.

²¹ См.: Круляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, с. 112—114.

этим старшим могла быть женщина. «Семейные взаимоотношения строились на полном подчинении младших старшим, жен — мужьям. В частности, от снохи требовалось особое почтение ко всем родственникам мужа, хотя бы они и были намного моложе ее. Так, в одной из чердынских семей старшая сделала замечание невестке за то, что она свою шестилетнюю золовку зовет уменьшительным именем: Она тебя по Цыря, а Цыря Федорича»²².

И в семьях уральских заводских рабочих довольно долго сохранился патриархальный порядок: «...в то время, в половине 90-х годов, на руднике еще крепко были пережитки крепостнической эпохи и силен древний уклад»²³, «...семья к тому времени считалась уже вольной, но дух в ней все еще царил крепостнический, рабский. Все чего-то ждали, чего-то боялись, от кого-то зависели...»²⁴.

К концу XIX — началу XX века и на горнозаводском Урале при всей специфике его социально-экономических условий складывается тип новой рабочей семьи, «близкий по своему внутреннему укладу к семье кадрового пролетария крупных городских центров»²⁵.

Семейный быт старых уральских поселений, расположенных вдали от заводов, хорошо сохранив старые порядки, к концу XIX века имел новые черты. Так, в 1880 году В. Попов, публикуя народные песни, собранные в окрестностях Чердыни в Покче, Нырбе и других, писал о том, что в этой местности «...до сих пор еще в полной своей силе царят прадедовские обычаи. Фальшивая современная «полированность» еще не проникла сквозь патриархальные стенки и не отравила своим смрадом задушевной простоты крестьян Чердынского края. Неразлучный друг патриархальности — пагубный деспотизм также не утратил еще своей силы и порядком дает чувствовать себя. Не редкость услышать жениху от отца при выборе невесты: «Я тебя поил, кормил, обувал, одевал, на ноги поставил, вырастил, а теперь уж, брат, мне не перечь, я уж, значит, как захочу, так и ворочу». Вот против этого-то вооружилась молодежь. При подобных-то обстоятельствах и сложилась часть песен, которые я предлагаю. В ...песнях выражается ненависть к свекру, свекрови, мужьям старому и молодому и житью под игом их...»²⁶.

Анализ песенного собрания В. Попова не позволяет во всем согласиться с мнением его составителя о том, что в Чердынском

²² Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), с. 62.

²³ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947, с. 28.

²⁴ Кореванова А. Моя жизнь. М., 1938, с. 10.

²⁵ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). с. 64.

²⁶ Попов В. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии. М., 1880, с. 3.

крае второй половины XX века «до сих пор еще в полной своей силе царят прадедовские обычаи ...и фальшивая современная «полированность» еще не проникла сквозь патриархальные стенки...». Точно так же не совсем правомерно замечание Д. Н. Мамина-Сибиряка в очерке «Старая Пермь», будто бы «предания, песни, поверья, притчи, сказки и весь обиход народного творчества на месте родины похоронены под позднейшими историческими наслоениями и заменились новыми бытовыми формациями», а в Чердыни «еще живет старина новгородская»²⁷. Хотя писатель подтверждал свою мысль об «эпическом складе» чердынских песен, указывает он только на цикл свадебных песен, других видов песен не касается. Однако песенные собрания известных русских фольклористов второй половины XIX века²⁸, включающие записи произведений Новгородской губернии, позволяют говорить о сохранности традиционных, эпических песен и за пределами Чердынского края. Главное же состоит в закономерности появления новых народных песен в пределах Чердыни и ее окрестностей, поскольку капиталистические отношения коснулись и этой местности (развитая торговля, расслоение крестьянства, отходничество).

И. Я. Кривошеков так характеризует Покчу, село, в котором В. Поповым была записана большая часть песен: «...самое большое, богатое торговое село в уезде. Жители занимаются торговлей, которую ведут главным образом с печорским краем, туда доставляют хлеб и разные товары, а оттуда вывозят рыбу: семгу, нельму, сига, сельдей. Мелочная торговля в селе также развита. Некоторые из жителей занимаются баржестроением, у них есть свои буксирные пароходы. Маклачество у покчинцев нашло тоже добрую почву»²⁹. Более того, если вспомнить, что уже с XVIII века Чердынский край является крупнейшим центром ремесла и торговли, то нельзя говорить, что в нем во второй половине XIX века «в полной своей силе царят прадедовские обычаи...». Так, еще в 1848 году, описывая нравы и быт города Чердыни, Н. Карнаухов особо подчеркивал, что «...жизнь девушек в здешнем городе самая веселая и даже счастливая до замужества, потому что они проводят ее всегда в разнообразных забавах и удовольствиях...»³⁰. В других негорнозаводских уездах Пермской губернии также отмечается ломка патриархальных семейных отношений в пореформенное время. П. Кыштымов, давая в «Пермские губернские ведомости» этнографические сведения о жителях Шадринского уез-

²⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь, с. 87.

²⁸ См.: Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. СПб., 1898, т. 1, вып. 1; Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902, т. 1—7.

²⁹ Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914, с. 625.

³⁰ Карнаухов Н. Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии. — Отечественные записки, 1848, № 3—4, с. 57.

да, отметил, что в семейных отношениях «...отец распространяет власть свою на все семейство, но многие ею пренебрегают. Дети мало питают любви к родителям, только один страх, наводимый на них, держит их во внешнем почтении...»³¹.

Таким образом, на горнозаводском Урале конца XIX века в ряде мест (в том числе и в Чердынском крае) при сохранившихся патриархальных порядках в семье наметился процесс ломки их, преодоления молодежью старых обычаев. Молодежь уральских деревень, заводских поселков постепенно освобождалась от «...бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности...»³². Этот процесс отражен в народных песнях конца XIX века. Представляется возможным на материале новых семейно-бытовых песен выявить «образ самостоятельной в семье и личных отношениях женщины», проследить черты формирующегося протеста женщины против домогательств к ней отношения.

В семейно-бытовых песнях нового времени выделяется ряд тематических циклов, рассказывающих о положении и поведении женщины до замужества и в чужой семье. Внутри этих циклов можно выделить наиболее характерные сюжеты (сюжетные ситуации), в которых воплотились эти темы.

Говоря о сюжетности лирических песен, нам представляется приемлемой точка зрения тех исследователей, которые выделяют в песне скорее не сюжет, а сюжетную ситуацию³³. Лирическая песня, как правило, не имеет сюжета со всеми ступенями развития действия (завязкой, кульминацией, развязкой), она содержит только элементы сюжетности: в песне обычно представлена ситуация и ее дальнейшее развитие. Законченного действия, характерной черты сюжетности, лирическая песня не имеет. Кроме того, по определению Н. П. Колпаковой³⁴, в народной лирической песне выделяются два типа сюжетности: песни типа размышлений (сюжетность в которых выражена весьма слабо) и песни повествовательного характера, отличающиеся более четкой сюжетностью.

В советской фольклористике предпринимались попытки выделения (систематизации) сюжетов семейно-бытовых песен, однако рассматривались лишь традиционные тексты. Н. П. Колпаковой выделен такой круг тематики семейных песен: «девушка выдана за нелюбимого в чужую семью, она зовет родных поплакать над ее житем (Соб., 3, № 69); молодка, несчастливая в замужестве,

³¹ Кыштымов Н. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии. — Пермские губернские ведомости, 1861, № 50, с. 765.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 577.

³³ См.: Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, с. 147; Лазутин С. Г. Русские народные песни. М., 1965, с. 147; Кравцов Н. И. Поэтика русских народных лирических песен. М., 1974, с. 38.

³⁴ См.: Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня, с. 143.

птицей прилетает к матери под окно и упрекает ее (Соб., 3, № 19); отец ночует у замужней дочери, не спит всю ночь и вздыхает об ее участи (Сб., 3, № 157); брат навещает замужнюю сестру, но утром уезжает, очень недовольный ее новой родней — бранчливой, ворчливой, драчливой; брат и сестра оба плачут (Кир., № 1233); вдова с детьми жалуется на горькую судьбу; встречный купчик предлагает ей быть ее мужем и хозяином; вдова отказывается, так как верна памяти умершего (Соб., 3, № 193); девушка являе-ется на свадьбу к милому, он приказывает ее накормить и про-гнать (Соб., 5, № 647); молодец ночью приходит к своей любимой и рассказывает, что не пришел накануне, так как ссорился с же-ной и бил ее; девушка его прогоняет (Кир., № 1666); молодец с горя уходит от нелюбимой жены, бродит по городу, гуляет и воз-вращается домой только к утру (Кир., № 1781); молодец ненави-дит жену, он встречает в лесу смерть и просит ее уморить жену; приехав домой, он застаёт жену уже мертвой (Соб., 3, № 513)»³⁵.

В. В. Мирский предлагает такую классификацию сюжетов рус-ских народных семейных песен: 1) мысли девушки о замужестве; о выборе мужа и жены; 2) несчастливое замужество: воспомина-ния молодухи о родной семье, ее отношение к отцу, матери, братьям и сестрам; 3) песни молодухи о старом, постылом, рев-нивом, неудалом муже и муже-недоростке; 4) песни молодца о постылой, ревливой жене; 5) песни о семейных драмах и о детях-сиротках; 6) песни о вдовьей доле; 7) песни о любви и согласии членов крестьянской семьи³⁶.

В. П. Бирюков дает следующий перечень тем и сюжетов лири-ческих семейных песен, наиболее распространенных на Урале: 1) девушка просит не выдавать замуж за старика; 2) муж-недо-росток; 3) тоска молодой жены по родителям на чужбине; 4) го-ремычное житье молодой жены; 5) молодой жене приходится угождать всем в семье мужа, протест против этого; 6) грозный муж с плетью; 7) муж-пьяница; 8) муж изводит жену разными способами; 9) муж-женоубийца вообще; 10) жена «во пиру была»; 11) различное замужество трех дочерей; 12) издевка жены над мужем-стариком; 13) жена мужа извела; 14) жена-франтиха не в меру; 15) преждевременная смерть жены; 16) братья-разбойники, не зная того, берут в полон сестру с ее мужем; 17) солдатская вдова; 18) неудавшаяся женитьба; 20) девушки избивают жена-того волокиту³⁷.

Тематико-сюжетная систематизация В. П. Бирюкова, включа-ющая в себя сюжеты не только лирических семейных песен (на-пример, № 16), не всегда строго дифференцируя сюжеты (№ 18),

³⁵ См.: *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня, с. 150—151.

³⁶ См.: *Мирский В. В.* Русские народные семейные песни. Автореф. канд. дис. М., 1965, с. 5.

³⁷ См.: ГАСО, ф. р.-2266, оп. 1, ед. хр. 69, с. 133.

в целом дополняет перечень сюжетов Н. П. Колпаковой и В. В. Мирского.

Материалы сборника В. Попова «Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии» позволяют выделить две тематические группы уральских семейно-бытовых песен конца XIX — начала XX века, в которых рассказывается о положении женщины до замужества и в родной семье и в семье мужа.

Представляется возможным выделить две тематические группы уральских семейно-бытовых песен конца XIX — начала XX века, в которых рассказывается о положении женщины до замужества в родной семье и в семье мужа:

А. Размышления девушки о предстоящем замужестве. Ее нежелание выходить замуж по самым различным причинам (знает о предстоящем тяжелом житье в семье мужа, хорошо живется в родной семье, девушку собираются выдать замуж за нелюбимого-неровнюшку и т. д.).

Б. Жизнь женщины в чужой семье; ее нежелание мириться с домогостроевским к ней отношением.

Наиболее типичны такие сюжетные ситуации первой тематической группы:

1. Девушка раздумывает, выходить ли ей замуж; согласна на замужество только в том случае, если оно ей «поглянется».

Если я, красна девица, я замуж пойду.

Мне поглянется замужье, буду жить да быть,

Буду служити.

Не поглянется замужье, я назад уйду —

К родному батюшке.

Не поглянется замужье, я назад уйду —

К родной матушке.

(Попов, с. 76).

2. Девушка идет гулять, батюшка и матушка ей наказывают:

Ты дитя, мое дитятко,

Как старый идет — поклонись,

Молодой идет — прихоронись!

Она не желает слушать родителей, намерена поступить по-своему:

Я, старый идет, — прихоронюсь,

(Попов, 75).

3. Героиня ослушивается «батюшку грозного», который «не велит гулять поздно, поздно при вечере, при вечерней заре».

(Попов, 176).

4. Героиня представляет, что она сделает, если попадется муж «старый-от удушливой», либо «малый-от недошливый», либо «ровнюшка хорошенькая».

Я бы старого утешила:

Во чисто б поле отводила,

Среди поля повесила

Я за горькую осинушку,

Я за самую вершиночку...

Я бы млада утешила:

На кроватку спать уложила,
На кроваточку тесовенькую,

На перинушку пуховенькую,
На подушку парчевенькую...

(Попов, 36).

5. Девушка вышивает ковер и представляет, кому он достанется. Старому мужу ковер «не износить», ее «молодость — премудрость не издержати». Если достанется «младому мужу», ему «...ковер износить, ее молодость — премудрость издержати».

(Попов, 8—9).

6. Девушка обронила «золоты ключи... со шелковым поясом» и представляет, кто сможет ее ключи найти, за кого она выйдет замуж:

Еще стар идет по улице,
Золотыми ключми побрякивает,
Шелковым поясом помахивает.
Уж я думаю, подумаю, млада:
Я нейду, нейду за старого замуж.
У старого мужа жить тяжело;
Лето будет — жни да коси,
Зима будет — колоти да молоти...
Еще млад по улице идет,
Я пойду, пойду за молодого замуж.
У молодого мужа жить легко;
Лето будет — ходи да гуляй,
Зима будет — спи да лежи.

(Попов, 78).

7. Ворон спрашивает девицу, каково ей будет «со старым-то мужем жить». Она отвечает:

Я старому сноровлю;	Мягкую, мягкую,
Сноровлю, сноровлю,	В три ряда кирпича,
Постелюшку постелю,	Четвертый ряд щипицу,
Постелю, постелю,	Щипицу колючую,
Постелюшку мягкую,	Крапиву жигучую.

Затем ворон спрашивает девицу, каково ей будет «со младым-то мужем жить», на что получает ответ:

Я младому сноровлю.
Постелюшку постелю.
Перину пуховую.
Подушку парчевую.

(Попов, 71—72).

8. Девушка представляет, что ее отдадут за «старого кашливого»:

У меня младой-младешеньки,
Ой, сердце ноет!
Представляет, что ее отдадут за «малого сопливого»:
У меня, младой-младешеньки,
Ой, сердце унывает!

Представляет, что ее отдадут «за молодого... милөго»:

У меня, молодой-младешеньки,	Резвы ноженьки заплясали,
Ой, сердце радо,	Ой, заплясали;
Сердце радо, взрадовалось,	Белы ручки защелкали,
Ой, взрадовалось;	Ой, защелкали.

(Попов, 56).

9. Девушка наплакалась, так как ее отдают за старого замуж:

Он не ровня мне, не верста со мною,
 Он не выпрячь, ни впрячь, ни в ухаб сберегчи;
 На печь-то лезет — закашляется;
 С печи-то слазит — удушье берет.
 Мне же, молодешеньке, назолушку дает.

Плачет девушка и тогда, когда отдают ее за малого:

Мал на поле идет — захинькался,
 Он с поля-то едет — заплакался.
 Я, млада-младешенька, посереде хожу,
 Ручку жму к ретиву сердцу.

Радуетса девушка, когда отдают ее замуж за младого:

Младой выпрягчи, впрягчи и в ухаб сберегчи;
 Младой на поле едет — посвистывает,
 Младой с поля-то едет — он песни поет,
 Мне же, молодешеньке, весть подает.

(Попов, 51).

Наиболее типичны такие сюжетные ситуации второй тематической группы: жизнь женщины в чужой семье; ее нежелание мириться с домогостроевским к ней отношением.

1. Молодушку подруги зовут погулять на улицу. Сначала «свекор-батка» не отпускает ее. Отпуская, грозит: «Не долго, сноха, гуляй!». Сноха возвращается домой, когда «зоренька занималась». Девушка просит деверя защитить ее от побоев свекра:

Деверишко, душечка,
 Мне станет свекор бить,
 Уж ты меня отними,
 Не отнимешь, прочь поди!

(Попов, 74).

2. У «млады-младешеньки» все подружки на игрища ушли ее не отпустили:

Заставил свекор-батюшка	Работу работать.
Работу работать.	Добра коня седлать.
Овин сушить.	Заставила золовушка
Заставила свекровушка	Работу работатаь.
Работу работать.	Буйну голову чесать.
Заставил братец-деверь	Русу косу заплетать.

Всей мужниной родне девушка отвечает:

Я во сердце войду
 Сама на игрище уйду.

(Попов, 20—22).

3. «Лиха свекровушка» посылает девушку «туда-сюда», «во подвалы по зеленое вино»:

Я в подвалах призамешкалася,
Зеленым вином натрескалася,
Сладкой водочкой накушалася.

Свекры заставляют «сынка» «шелкову плетть купить» и «молodu жену учить».

(Попов, 22—23).

4. Муж жену учил: «трою-двою остягнул, три ребра переломал». «Со этих побоев женщина три года лежала, со постели не вставала...».

(Попов, 26).

5. Отдали девушку замуж не за ровню, а за старого:	
Я со старым, молодца,	На рученьке держала —
Ночку почевала,	Сыра дубова колода пролежала.
Будто в жигучей	Уж я старого в уста целовала —
Крапиве пролежала.	Будто горькой осины испивала.
Уж я старого	(Попов, 37—38).

6. Героиня собирается отравить старого нелюбимого мужа:

Я про старого пирог пекла:
Корочка — еловая кора;
Деготьком подмазывала,
Сулемой подсыпывала,
Старого мужа стравливала.

(Попов, 110).

Материалы сборника В. Попова дают основание считать, что сюжетные ситуации семейных песен конца XIX — начала XX века о женской судьбе, бытующие в Чердынском крае, с одной стороны, продолжают традиции старой крестьянской песни. Заметнее традиция сохраняется в тематической группе песен, которую мы условно определили как «размышление девушки о предстоящем замужестве». В этой группе продолжают бытовать старые песенные сюжеты о возможном несчастливом браке и в этих сюжетах весьма часто (если судить по нашим материалам) встречается мотив нежелания девушки выходить замуж за старого. Можно говорить о варьировании этого устойчивого мотива. Так, в ряде песен девушка не желает выходить замуж не только за старого, но и за малого. Им обоим противопоставляется молодой муж (или «ровнюшка»). Этот постоянный мотив дополняется появившимися в новой песне мотивами насмешки, издевки над старым (малым) мужем или угрозы ему.

С другой стороны, встречаются такие песенные сюжеты, которые не зафиксированы ни в перечне сюжетных ситуаций Н. П. Колпаковой, ни в классификации В. В. Мирского. Такие новые сюжетные ситуации имеют, на наш взгляд, песни рассказывающие о нежелании героини считаться с волей родителей, стремлении поступить по-своему.

В сюжетах песен второй тематической группы — «жизнь женщины в чужой семье...» — в большей степени проявляется образ

«самостоятельной в поступках и решениях женщины». Так, если традиционно в некоторых песнях героиня может лишь печалиться, горевать о своей судьбе, то в ряде песен она активно протестует против грозного свекра, остальных родственников мужа:

Я во сердце войду
Во ретивое войду —
Сама на игрища уйду.
(Попов, 22—23).

Более того, женщина в новых песнях может придумывать правду и для нелюбимого мужа, что мы видим в ряде песен (например, № 6 второй тематической группы).

Представляется возможным включить в условно выделенную нами первую тематическую группу песенные сюжеты о самостоятельном выборе девушкой жениха. Например, в одной из песен девица просит милого (Сашу) не ходить за ней, потому что она любит Николеньку:

...Не ходи, Саша, по сеним,	За Николенькой!
Не топай ногой,	У Николы — кудряша
Не качай головой —	Нет и денег ни гроша,
Мне не быть за тобой!	Зато походка хороша.
Уж я буду ли, не буду ль	За походочку люблю...

(Попов, 190).

В другом песенном сюжете повествуется о девушке, которая «обхаживает» писаря из «государевой конторы» (Попов, 186)³⁸.

Народная семейно-бытовая песня конца XIX — начала XX века, разрабатывая образ человека нового времени, ставший намного конкретнее по сравнению с традиционными песнями, с одной стороны, продолжает развиваться в традиции старой крестьянской поэзии, но, с другой стороны, вносит определенные коррективы в песенную структуру. В этой песне традиционно используются такие композиционные формы, как монолог, диалог и формула «описательно-повествовательная часть плюс диалог». Однако преобладающей в новых песнях является тенденция к усилению повествовательного элемента.

Монологическая форма рассказа, встречающаяся еще в семейно-бытовых песнях, позволяет очень непосредственно передавать ее содержание.

Ларцы, вы ларцы мои,
Окованные коробочки!
Вечор, вечор побывали у тебя,
Обронила три золоты ключи
Я со шелковым поясом,
Со серебряным почарочком...
(Попов, 78).

³⁸ О появлении новых героев в народной песне конца XIX века мы писали в ст.: *Якунцева Т. Н.* Спор о «старой» и «новой» песне (из истории фольклористики конца XIX века).

Довольно распространенной композиционной формой изложения содержания песен остается форма диалога. В этой форме передается разговор девушки с родителями, девушки с милым, молодухи с подругами, жены с родственниками мужа и т. д.

Разбессовестна сударушка моя;

Во глаза меня коришь,

Да всегда меня бранишь.

Позаочно хочешь честь мою вредить,

Слышу, вижу, знать, иного хочешь полюбить.

Я от истинной от правды

Тебе побожусь.

Одного я тебя молодчика люблю,

Холостого, неженатенького...

(Попов, 237).

Однако представляется, что монологическая и диалогическая формы лирических песен все-таки чаще употребительны в любовной народной песне. Подавляющее большинство семейно-бытовых песен построены по схеме «описательно-повествовательная часть плюс монолог или диалог».

Обычно песня начинается с описательной части:

Как во далице, далице,

В чистом поле,

Стояла, братцы, бела береза,

Кудрявата...

(Попов, 37).

А затем следует повествование от лица героини (героя):

У меня, молодой, свекровушка лиха;

Что лиха, лиха, не ласковая —

Не ласкова, не приветливая.

Посылает она туда-сюда меня,

Что туда-сюда, неведомо куда...

(Попов, 22).

Таким образом, народная семейно-бытовая песня конца XIX — начала XX века Чердынского края позволяет судить о возрастающей социальности народной поэзии этого времени: молодые люди, получившие юридическую свободу, а вместе с ней возможность передвигаться по собственной воле, выборочно определяться на работу, в личных отношениях и семейной жизни также стремятся обрести самостоятельность. Это отразилось, в первую очередь, в тематических группах семейно-бытовых песен, рассказывающих о женской судьбе. Традиционные образы девушки, размышляющей о предстоящем замужестве, молодой женщины, которой тяжело живется в семье мужа, предстают в песнях более активными, самостоятельными. В связи с этим можно говорить об усиливающейся конкретизации образов и усилении повествовательного элемента в структуре песен.

Представляется, что хотя процесс активизации личности геро-

ев новых народных песен этого времени ярче выражен в произведениях, записанных в центре горнозаводского Урала — в заводах, заводских поселках (о чем свидетельствуют материалы сборника В. Н. Шишонко «Отрывки из народного творчества Пермской губернии»), наличие этого процесса мы можем наблюдать и в песнетворчестве Чердынского края, не столь непосредственно связанного с развитием промышленности на Урале.

В сюжетном составе семейно-бытовых песен Урала конца XIX — начала XX века, с одной стороны, продолжают сохраняться традиционные сюжеты (сюжетные ситуации) о возможном несчастливом браке, хотя можно говорить об определенной трансформации их. С другой стороны, в этих песнях появляются новые сюжетные ситуации о нежелании героини считаться с волей родителей, стремящейся поступить по-своему.

В целом можно сказать, что новая народная семейно-бытовая песня Урала явилась закономерным отражением изменившихся общественно-исторических условий уральского края конца XIX — начала XX века.